

A decorative border with intricate black floral and scrollwork patterns, framing the text. The border is composed of vertical lines on the left and right sides, and horizontal lines at the top and bottom, all adorned with stylized flowers and swirling vines.

Читайте в серии

Яна Половинкина
«Карнавал теней»

Продолжение следует...

ЯНА
ПОЛОВИНКИНА

КАРНАВАЛ ТЕНЕЙ

Москва
2025

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6
П152

Художественное оформление *Марии Фроловой*
Иллюстрация на переплете *shinobochka*

Половинкина, Яна Игоревна.

П152 Карнавал теней / Яна Половинкина. — Москва : Эксмо, 2025. — 416 с. — (За гранью магии. Подростковое фэнтези российских авторов).

ISBN 978-5-04-214179-9

В городе вечного праздника гремит карнавал. Маска дает отвагу жить без оглядки. Под личиной юноши может таиться старик. В мужское платье облачается девушка, чья отвага не уступит воину.

Юная самозванка Клариче, разыскивая пропавшего брата, едва не теряется в царстве масок. И вызвав обманщика на дуэль, не ведает, что принимает за человека бесплотную тень. Теперь, дабы спасти невинное существо от страшной участи, ей предстоит открыть тайну Пламени, горящего в каждом с рождения, и встретиться с собственной тенью.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-04-214179-9

© Половинкина Я., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

1

Праздник

Никогда прежде не видел я такого праздника. И не увижу больше. Цветные полотнища реяли вдоль галерей из белейшего мрамора, а над опрокинутыми мостами скользили по воде разукрашенные лодки. Целые оркестры дни напролёт плыли, тревожа мелкую рябь Царицы — Адриатики. А небо над морем переливалось всеми оттенками перламутра.

Праздник на водах, праздник посреди вод. Нескончаемое веселье.

Глядя на всё это великолепие: на молодых в сарацинских тюрбанах, на пленительные улыбки дам, трудно было поверить, что вскоре тяжёлым и печальным гулом колокол Сан-Марко возвестит Великий пост.

Но покамест в ликовании людей и волн не было раздора. Пели все, и пело всё. Казалось, если заткнуть уши, так и хлынет в душу волной канцона¹:

¹ Лирическое стихотворение в строфической форме, распространённый жанр в поэзии трубадуров XII в. — Прим.ред.

Из пенного шёпота светлых волн,
Сквозь гам человеческого вижу я сон.
Я вижу в луче ослепительно-ярком
Крылатого зверя на огненной барке.
Чудесная лодка, плыви, плыви!
Венеция в трепете, беды мертвы.
Седых аллегорий колеблются флаги,
Смирен сарацин и Невежество в страхе.
Бессмертная слава, труби, труби!
Ни злата в мошне, ни похвальной молвы,
Не жаль ничего ради нашей Царицы,
Что в пену и пурпур заката рядится.
Мы знаем такую тоску в крови,
Что жарче огня, горячее любви!
Сегодня у моря особая месса:
Последнюю девку окрестим принцессой.
А солнце, огромный запретный плод,
Над городом белым растёт и растёт.
Плывёт и плывёт над лагуною чистой
Огненный лев евангелиста.

Проворные акробаты и жонглёры сновали по улицам. Ухари¹, закрыв полумасками лица, дразнили кокеток. Поговаривали даже, что сам мессир чёрт выбирается по такому случаю из тёплого пекла и, нацепив бауту², бродит по городу, смущая христиан.

Но об этом я ещё скажу вам в свой час. Я — Алонзо Фортеска, сын и наследник старого графа. И вся эта печальная и поразительная история... случилась из-за меня.

А всё началось за неделю до Жирного вторника³. В городе объявился молодой дворянин, соривший

¹ Удалец. — Прим. ред.

² Карнавальная маска. — Прим. ред.

³ Праздник-карнавал, отмечается в канун Пепельной среды, знаменующей начало Великого поста. — Прим. ред.

деньгами, как ростовщик на смертном одре, и бранившийся так, что краснели неаполитанские матросы. Много такого люда стремилось в светлую Венецию, но этот... Этот нахал назвался моим именем.

Представьте себе: всё это я узнал много позже. И каково было услышать молодому человеку из приличной семьи, что некто, во всём подобный синьору Фортеска, бесчинствует и пятнает имя дворянина!

Подумать только! С песнями и скрипичным воем негодяй водил по кофейням гребцов и пьяниц, бездельников и чудаков, где, угощая их от моего имени, провозглашал:

— Вы ещё не слышали о синьоре Фортеска?! Это что!

Особенно занимала наглеца собственная, тьфу, то есть моя, слава. Самозванец и лестью, и хитростью, и вином стремился выведать, что же я делал в городе до его появления. Фальшивая монета, решившая лукавым блеском затмить полновесный дукат¹. Жалкая ревнивая тень!

Но вот однажды вечером случилось самозваному синьору Фортеска угодить в переплёт, из которого он чудом вышел живым.

В маленькой кофейне, где курили длинные трубки гребцы да отдыхали матросы всех языков и племён, товарищи, которых привёл самозванный Фортеска, устроили подлинный шабаш. С чего всё началось, никто не помнит. Конечно, мой двойник напоил своих дружков от души, и не кофе, а настоящим бургонским. От такой амброзии развязались языки, а даль-

¹ Золотые и серебряные монеты, ходившие во многих европейских государствах. — Прим. ред.

ше... То ли пьемонтцы¹ не поладили с ломбардцами, то ли неаполитанцы возмутились и ответили на ругань руганью, неприличной для христиан.

Косая Роза, хозяйка кофейни, громким криком призывала соседей в свидетели, что её честный дом превращают в свинарник, и взывала о помощи к Божьей Матери и всем святым.

Но когда она получила пощёчину от забулдыги, господин Фортеска, виновник всего безобразия, нахлестал шпагой своего дружка и выгнал его вместе с другими проходимцами, коих сам привёл.

После этого всё ненадолго затихло, юноша уселся за столик, попросив как ни в чём не бывало хозяйку принести воды.

Женщина с поклоном ответила:

— Да, мессир!

А вышла, утирая слезы передником.

Юный Фортеска (пусть уж носит имя моё, пока правда не выйдет) закрыл руками бледное лицо.

Душная комната перед ним исчезла на миг; пропали косые взгляды, и сгнули все, кто сидел вокруг, негодуя, возмущаясь, завидуя. Табачный дым плыл клубами в промозгом ночном воздухе, и запах соли примешивался к запаху пота. Обрывки разговоров едва касались разгорячённого слуха синьора Фортеска; даже если бы бесплотные духи спустились и поведали ему о смертных судьбах, это не тронуло бы юношу.

— Вы слышали? Да! Сущий дьявол. Мессир Скьяри проткнул его, точно сноп сена, а хоть бы что!

¹ Жители Пьемонта, находящегося на северо-западе Италии. — Прим. ред.

А потом доблестный муж снёс голову нелюди. Башка свалилась, точно гнилой кочан, а чёрт поднял её и...

— Ну тебя! Чего не покажется от разговенья! Молись святому Тверезию Непочатому!

— Сам молись! Говорю тебе: видел! Уж и нечисть понаехала на бестрепетное наше житьё! Ах, грехи!

Юноша тряхнул головой, словно пытаясь отогнать дурное видение. И тут увидел перед собой сухопарого незнакомца в цветастом плаще. Он шумно опустился на стул, шурша пёстрым шёлком, и глиняную кружку с водой со стуком поставил на стол.

В первый миг юноша обмер: хищная маска с длинным птичьим носом уставилась на него, а под маской будто ничего и не было. Только пустота. Но, присмотревшись, молодой дворянин понял, что некто закрыл высоким воротом рот и подбородок.

Юноша кисло улыбнулся.

— Что вам угодно? — спросил он, а про себя невольно подумал: «Будто и впрямь чёрт!»

— Чтобы вы ушли, — тихо ответил незнакомец. Голос у него был мягкий и вкрадчивый, но притом глубокий. Казалось, чем дальше его слышишь, тем больше хочется слушать.

— А если я не уйду? — хмыкнул юноша и потянулся к своей кружке. Всё это представлялось ему не более чем дурной шуткой.

Незнакомец опередил его и придвинул кружку к себе.

— Уйдёте, — холодно молвил он, — вы дурной, негодный мальчишка, который, к сожалению, носит шпагу. Я бы вас выпорол. Что вы хватаетесь за эфес? Я с вами драться не буду, просто выпшвырну вон, как щенка. Или вы всё-таки уйдёте?

Что-то было странное и в голосе этого человека, и в самом его одеянии, сшитом из лоскутов золотого и чёрного шёлка. Молодой Фортеска, вскочив из-за стола и стиснув побелевшими пальцами эфес шпаги, толком не знал, что делать. Если долго смотреть на то, как золотые обрезки переливаются среди траурно-чёрных, может показаться, что в полумраке прокопчённой комнаты пробежала лёгкая рябь золотистого лунного света.

Почему так спокоен этот ухарь? Будто на самом деле может позволить себе говорить что угодно кому угодно, а потом просто растает. Выпороть дворянина, как паршивого щенка! Хорошая шутка!

Вся кофейня охнула, когда юный Фортеска схватил глиняную кружку и окатил незнакомца водой.

— Я не стану выслушивать проповедь человека, который собственного лица боится! — с издёвкой крикнул юноша.

Тогда многие заметили, что голос у него будто сорвался на визг.

— Покажите лицо, синьора одалиска¹, или вызовите меня на дуэль! Что вам страшнее? Алонзо Фортеска к вашим услугам.

Незнакомец медленно поднялся, он вздрогнул, будто от боли, и... отшатнулся от стола. Затем отвернулся.

— Мессир, не желаете ли... — пролепетала косая Роза, собираясь предложить гостю полотенце.

Но тот жестом отказался. Кавалер Домино (пускай незнакомец зовётся так, пока не выпадет более счастливый случай) произнёс:

¹ Прислужница в гареме. — Прим. ред.

— Я Лодовико Скьяри. Завтра. За церковью Спасителя, в третьем часу ночи. Идёт?

Юноша приоткрыл рот. Безусый, тщедушный, Фортеска побелел, но не от страха, от гнева. Он вызвал на дуэль сущего чёрта, может, с ним и шпаги нельзя скрестить, а тут эта маска без лица ещё спрашивает: «Идёт?»

И тогда Фортеска не выдержал:

— Какого пса вы мне предлагаете биться завтра? Почему не сейчас! Отвечайте, трус, или вы сбегать удумали? Что изменится от того, что день пройдёт?

Тут кавалер Домино обернулся. Птичья маска с длинным острым носом казалась теперь какой-то нелепой и совсем не страшной. И почему бы не расстаться с ней?

— Я надеюсь, — грустно произнёс кавалер Домино, — что за день изменитесь вы. Ведь и о душе позаботиться можно.

Медленно волоча за собой пёстрой плащ, точно королевскую мантию, он покинул кофейню. Никто не преградил ему путь. А Фортеска оторопело смотрел уходящему вслед. Сколько раз он слышал подобные речи! Отчего же тогда впервые у него мурашки от них?

Очнулся юноша, только когда за спиной кто-то присвистнул:

— Скьяри?! Да неужели тот самый?!

После этого Фортеска позабыл обо всём на свете. Он вырвался на улицу, и холодный воздух обжёг ему горло.

Мерно в ночной тиши бились волны о каменный парапет. Скрипели лодки, а какой-то матрос, приобняв свою милую, шёл, распевая пьяную песню.

Огромная луна, похожая на яичный желток, низко висела над морем.

Незнакомца не было нигде. На чёрной воде лёгкая рябь лунного света напоминала его шёлковый плащ. И если только был на земле этот чёрт, он подождёт обидчика.

2

Скьяри

Утро не принесло покоя самозваному господину Фортеска. Жил он крайне скромно, вопреки своей дурной славе, в маленькой гостинице, что приютилась между цирюльней и прачечной. А на завтрак его ожидал кусок чёрствого сыра.

Было слышно, как на улице звенят детские голоса и мерно плещутся мутные волны. Через силу Фортеска улыбнулся: и бедность бывает прекрасна.

Даже обшарпанные стены яркое солнце обращало в красочные шпалеры. А белые сорочки трепетали флагами на ветру, в то время как их отражения в воде походили на лебедей.

Если бы сам Великий Дож пожелал вызолотить черепицу и сложить стены здешних хижин из мрамора, той красоты, что отзывается на каждый мимолётный взгляд, полный сочувствия, не стало бы в помине.

Фортеска покинул гостиницу и пустился в путь по городу, ещё сонному и притихшему. Искоса поглядывая на своё отражение в воде, юноша невольно поймал себя на мысли, что хочет запомнить город таким:

прохладным и чистым, и столь умиротворённым, словно море приворожило его.

Нет, дело не в том, что не хотелось умирать нынешней ночью. Хотя помирать весьма скверно.

«Проклятый Скьяри, — еле слышно бранился юноша, — можно подумать, ему охота, чтобы я стал убийцей! Оскорбил и сам нарвался на оскорбление! Будто мало мне было бед без него? Ну да теперь поздно. Поздно. Эх, кто просил тебя лезть не в своё дело, носатый чёрт?»

Утро всё длилось и длилось. Фортезка, не глядя, отдал два дуката гребцу, чтобы посмотреть на церковь Спасителя, возле которой его ожидала встреча.

Город с куполами соборов, мраморными аркадами, смехом и разноцветьем будто сам плыл навстречу юноше. И Фортезка притих, погрузившись в свои мысли.

В конце концов, ему пришло в голову, что прав был человек в птичьей маске: всякое может быть, а раз так, пусть душа потешится. Ведь жизнь, как и всякий праздник, с нами не навсегда.

И Фортезка от всего сердца дал себе зарок посмеяться напоследок. Но всё равно невыразимая тоска ещё лежала мутным осадком на дне его души.

На площади Сан-Марко шло нескончаемое представление. Сладковатый запах жареных каштанов и пряного вина согревал нутро лучше хорошего обеда, а весёлый смех девки Смеральдины пьянил сильнее, чем хмель.

И пока христианский люд хохотал над глупостью старика доктора, чью дочку хитрый Бригелла уводил под крыло своего господина, молодой синьор Фортезка бродил среди людей точно призрак. Увы, маски

не веселили его, напротив, в каждом, кто надел бауту, будь то лавочник или актёр, мерещился юноше тот носатый дьявол, посетивший его ночью. Кавалер Домино.

Будь он неладен!

Под медленный бой колокола юноша не заметил, как очутился почти у самого собора.

Фортезка вымученно улыбнулся. Крылатый лев, распростёрший крылья на восток и на запад, озирает с высокой колонны свой царственный город. Но мудрость его была спокойна и безучастна к людской слабости.

— Синьор Скьяри! Проходите, проходите, синьор, я вас не узнал.

Заслышав это имя, молодой Фортезка вздрогнул всем телом и обернулся. Он увидел человека, красивого и, без всякого сомнения, благородного. Рядом с ним шла дама в роскошном платье цвета красного вина. Лицо её было скрыто полумаской, но всё же от одного взгляда на неё захватывало дух. Фортезка, поборов омерзительную дрожь, бросился им наперерез.

Преградив кавалеру и даме дорогу, юноша низко поклонился, да так, что шляпой невольно коснулся мостовой, и быстро заговорил:

— Приветствую вас, почтенные! Правда ли то, что я слышал? Вижу ли я перед собой благородного господина Лодовико Скьяри?

— Да, это я... — оторопело произнёс щёголь, поглядывая на юношу так, словно он был надоедливой мошкой.

— Превосходно! — заявил Фортезка и гордо присанился. — Теперь я вижу вас и готов сделать вам предложение!